

**СТАРЧЕСТВО И МЛАДОСТАРЧЕСТВО:
ПРОБЛЕМЫ РЕЛИГИОЗНОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА
И НЕОФИТСТВА В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОСЛАВИИ**

Посвящена старчеству как святоотеческой традиции в России и младостарчеству как проявлению неопитства.

Ключевые слова: старчество, святоотеческая традиция, неопиты.

N.S. Rotach

**ELDERSHIP AND PSEUDO ELDERSHIP:
PROBLEMS OF RELIGIOUS FUNDAMENTALISM
AND NEOPHYTISM IN THE CONTEMPORARY ORTHODOXY**

The article deals with eldership as patristic tradition in Russia and pseudo eldership as manifestation of neophytes' views.

Keywords: eldership, patristic tradition, neophytes.

Культурологический анализ феномена старчества опирается на сопоставление евангельской, святоотеческой и старческой традиций в трактовке человеческой личности, системы ее добродетелей, актуальных в контексте христианской культуры, — смирения, любви, свободы. Сложность культурного осмысления этих категорий определяется соотносимостью смирения и бунтарства в антиномичной характеристике российской ментальности: «В основу души русского человека заложены два противоположных начала: языческая, природная стихия и аскетически-монашеское православие» [2, с. 44–45].

Оптимистическое мышление первых посткоммунистических лет ожидало, что устранение тоталитаризма само собою возродит к жизни все лучшие достижения и черты прежней, дореволюционной России. Взамен этих неоправданных ожиданий мы видим сегодня то, что без продуманного усилия возрождаются не лучшие, а лишь худшие, негативные особенности и тенденции прошлого: ритуализм и обрядоверия, вера в чудеса и желание мгновенного возрастания в вере. Возвращается опасность того, что вновь будет воскрешен — на новом уровне, в современных формах — разрыв между православием и просвещением. В этих условиях в церковной жизни возникло как уродливое проявление якобы «высокой духовности» явление младостарчества или лжестарчества. Основная проблема — неопитство, по существу новое освоение утраченной традиции. Тема младостарчества стала сегодня одной из центральных тем внутрицерковной жизни. Она была предметом обсуждения на Архиерейском Соборе, ей было посвящено специальное Определение Священного Синода, о ней неоднократно говорил в своих выступлениях Святейший Патриарх Алексий. Проблеме младостарчества посвящена книга священника Владимира Соколова «Младостарчество и православная традиция».

Длительное влияние атеизма привело к разрушению христианской культуры и христианского мироощущения. Поэтому современный че-

ловека, открывая для себя значение религии, склонен к восприятию ее самых архаичных форм. Общая религиозная атмосфера сегодня, увы, не христианская, а языческая. Именно ее привносят в церковь новообращенные. «Келейники, да и сами старцы свидетельствуют: современные паломники почти не задают духовных вопросов. К старцу относятся, грубо говоря, как к гадалке: где сейчас мой сын, он давно пропал из дома; менять ли мне эту квартиру на другую, на какую именно и какого числа; поступать ли в торговый колледж или в педагогический институт? И т.д и т.п.» [10, с. 217]. Неоязычество порой репрезентирует себя как «подлинное» православие. Термин «православие» переводится как «прославление Прави», языческого божественного начала, одной из составляющих триады «Явь (материальный мир) — Правь (божественная, небесная сфера) — Навь (мир мертвых)» [1, с. 198].

Еще одним мутационным феноменом является своеобразный православный атеизм, характерный для многих представителей патристически ориентированной академической интеллигенции: православие оценивается положительно как культурная, национальная и социально стабилизирующая сила, при этом совершенно игнорируется духовная, сакральная реальность, к которой, собственно, и обращена религия. Сформировался также «оккультизм в православии» (термин отца Андрея Кураева), который существует сегодня в двух основных версиях: «космической» (многочисленные рерихианские, софиологические и неохлыстовские, «порфирие-ивановские» группы) и «антикосмической» (воспринимающей априори любую взеземную жизнь как бесовские личины). По мнению религиоведа Ф. Овсиенко, «некоторая часть россиян после эйфории 1988–1994 гг. постепенно отходит от православия и находится в мировоззренческом поиске» [1, с. 198].

Православная надежда на возрождение духовно-национальной идентичности была выражена на Шестом Всемирном Русском Соборе в следующих словах Святейшего Патриарха Алексия II: «...Блажен народ, у которого Господь есть Бог... Российскому народу следует вновь ощутить свое призвание как одухотворенной евангельской вестью нации. Русское Православие глубоко национально, но в то же время оно дает народной жизни вселенское измерение» [4, с. 64].

В то же время следует отметить, что внутри церкви протекают бурные процессы, связанные с так называемой «народной реформацией» или деятельностью «независимой православной общественности». Реформация в России на сегодняшнем этапе принимает характер бунта определенной части мирян-неофитов (этносо, а не лаоса) против церковной иерархии. Можно отметить, что дух реформации — это некая психология, самоощущение. Нынешний Патриарх, а тогда Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (Гундяев) так охарактеризовал это явление: «Я объяснил этому ходуку, что не может быть никакой “православной общественности” в отрыве от Православной Церкви... Скажу больше: провал на выборах всех так называемых православных партий ясно доказывает невозможность для какой-либо общественной силы пытаться опереться на авторитет Церкви, одновременно игнорируя церковные установления, отказываясь от принципа церковной дисциплины» [4, с. 117]. Можно привести в связи с этим печальный опыт партии «Святая Русь».

Нынешние реформаторы в современном православии убеждены в своей собственной традиционности и ортодоксальности. Значительная часть людей, декларирующих свое мировоззрение как «православно-мо-

нархическое», группируется вокруг таких изданий, которые по сути своей отражают примитивное диссидентство (вроде «Руси православной»).

В догматической сфере профанирование православия видно, например, в понимании категории «соборность». Соборность — онтологическое свойство церкви, а не указание на образ управления ею [9, с. 8].

По мнению протоиерея Георгия Флоровского, славянофильская соборность — это «фальшивая кафоличность» [8, с. 190].

Следующий характерный подлог культурно-исторической и религиозной традиции с позиции реформации — это акцент на том, что в православии народ выступает хранителем веры и благочестия, взятый из «Послания восточных патриархов».

Фраза, некогда столь поразившая славянофилов своей демократичностью, гласит: «У нас ни патриархи, ни соборы никогда не могли ввести что-нибудь новое, потому что хранитель благочестия у нас есть самое тело Церкви, то есть самый народ, который всегда желает сохранить веру свою неизменной» [6, с. 233].

В «Послании патриархов» тот народ, что хранит благочестие, по-гречески назван «лаос», а не «этнос». Этот народ не имеет отношения к этническим общностям и к социологическим вопросам. Здесь народ — это «верные», люди церкви, живущие церковью и живущие церковно.

Следует отметить, что понимание христианства будет крайне затруднительно, если с самого начала не обратить внимание на его подчеркнутую недемократичность. Церковь строится от верха, от Главы, а не снизу, от почвы. Апостолы не просто избраны Христом, но еще изменены, преображены Им, очищены, омыты (Ин. 13, 10) от народных предрассудков. Им дан Дух, который «не от мира». Им дано учение, которое было странным и для эллинов, и для иудеев.

В этом радикальное отличие библейской религии от язычества. Это славянское слово на русский язык лучше всего перевести как «народничество». Иерархическая дисциплина и дисциплина богословская были разработаны церковью для того, чтобы не дать возможность различным визионерам, пророкам и чудотворцам подменять Евангелие.

Там, где этой дисциплины нет, создаются паракристианский или даже прямо языческий фольклор, а интеллигенция — утопии (старообрядческие, экуменические, обновленческие, теургические, оккультные и т.д.). Самым опасным и распространенным типом псевдоправославного оккультизма стала массовая современная апокрифическая литература. Стало возможным появление книг, отмечающих церковное учение с помощью таинственных ссылок на анонимных «старцев». Стало модно вместо строгого обоснования своих утверждений действовать по следующему принципу: «Одна монахиня, приехавшая с Греции, рассказала, что на Западе уже все готово для принятия лжемессии» [7, с. 14].

В современном русском православии есть нововведения — это поместные соборы. Другой аспект современного реформаторства в православии — альтернативное богословие, альтернативные святыньки, иконы и святые (Пелагея Рязанская, Иван Грозный, Григорий Распутин...). Их издания нетрудно отличить — вместо иерархического благословения, благословения Патриарха на них стоит рекламный лэйбл: «По благословению старцев» [3, с. 32].

С третьей стороны, никогда не было в церкви такой свободы слова. Сегодня в ней отсутствует цензура: и внешняя (общецерковная), и внутренняя.

Сегодняшняя православная церковь страдает, как это ни странно, от отсутствия внутренней цензуры. Диакон Андрей Кураев справедливо отмечает в этой связи: «Всегда, во все времена алтарники сплетничали про попов, но только сегодня начали издавать свои газеты (типа “Русь православная”, “Сербский крест”, “Русский вестник” и т.п.), в книжках типа “ИНН — печать антихриста”. Уже из уст приходских священников можно услышать проповеди о том, что архиереи — такой церковный тормоз, который не позволяет народному благочестию прославить народных святых (под коими опять же понимаются Иван Грозный и Григорий Распутин). Особенно отчетливо радикальный потенциал заметен у ревнителей прославления Ивана Грозного и канонизации Григория Распутина. По выражению священника Владимира Зелинского: “Те, кто сегодня восхваляют Ивана Грозного, себя прочат в опричники. Они не умеют любить, и им нужен «святой образец» для оправдания их ненависти”. Позиция Патриарха Алексия была выражена предельно ясно: “У многих вызывает недоумение, что в некоторых храмах за церковным ящиком продаются книги о Григории Распутине, изображающие его как святого человека”» [5, с. 73].

Таким образом, можно отметить, что природа модернизационных процессов и трансформаций со времен первого раскола и вследствие деяний Патриарха Никона обозначила силовое поле и тенденцию реформаторских подходов, ставшую традиционной в истории русского православия.

Можно подчеркнуть, что циклы русской истории в известной степени неразрывно связаны с этапами упадка религиозно-нравственного чувства и нового возрождения, с драматическими этапами осмысления традиции в условиях новых социальных реалий. На примере генезиса феномена старчества ясно видны этапы взлета и падения духовно-нравственной культуры общества.

Список использованной литературы

1. Антоненко С.Г. Религиозная составляющая этнокультурной идентичности россиян — столетие мутационных трансформаций / С.Г. Антоненко // Россия и религиозная идентичность. — М., 2003.
2. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века / Н.А. Бердяев // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. — М.: Наука, 1990.
3. Бог не в силе, а в правде. Православие и проблемы глобализации. — М., 2003.
4. Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Вызовы современной цивилизации: Как отвечает на них Православная Церковь / Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. — М.: Данилов. благовестник, 2002. — 141 с.
5. Обращение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия к клиру и приходским советам храмов г. Москвы на Епархиальном собрании 15 декабря 2000 года. — М., 2001.
6. Окружное послание Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви ко всем православным христианам (1848 г.) // Догматические послания православных иерархов XVII–XIX веков о православной вере. — Троице-Сергиева Лавра, 1995.
7. Пастух Л.И. Антихрист: материализация мистики в измерение времени. Заметки по поводу... / Л.И. Пастух. — Житомир, 1996.
8. Флоровский Г.В. Богословские отрывки / Г.В. Флоровский // Вестник Западноевропейского Патриаршего Экзархата. — 1982. — № 105–108.

9. Хомяков А.С. Работы по богословию // Сочинения. — М., 1994. — Т. 2.
10. Хоружий С.С. Феномен русского старчества / С.С. Хоружий // Церковь и время. — 2002. — № 4 (21).

Referenses

1. Antonenko S.G. Religioznaya sostavlyayushchaya etnokul'turnoi identichnosti rossiyan — stoletie mutatsionnykh transformatsii / S.G. Antonenko // Rossiya i religioznaya identichnost'. — М., 2003.

2. Berdyaev N.A. Russkaya ideya. Osnovnyye problemy russkoi mysli XIX veka i nachala XX veka / N.A. Berdyaev // O Rossii i russkoi filosofskoi kul'ture. Filosofy russkogo posleoktyabr'skogo zarubezh'ya. — М.: Nauka, 1990.

3. Bog ne v sile, a v pravde. Pravoslavie i problemy globalizatsii. — М., 2003.

4. Mitropolit Smolenskii i Kaliningradskii Kirill. Vyzovy sovremennoi tsivilizatsii: Kak otvechaet na nikh Pravoslavnaya Tserkov' / Mitropolit Smolenskii i Kaliningradskii Kirill. — М.: Danilov. blagovestnik, 2002. — 141 s.

5. Obrashchenie Svyateishego Patriarka Moskovskogo i vseya Rusi Aleksiya k kliru i prikhodskim sovetam khramov g. Moskvy na Eparkhial'nom sobranii 15 dekabrya 2000 goda. — М., 2001.

6. Okruzhnoe poslanie Edinoi, Svyatoi, Sobornoj i Apostol'skoi Tserkvi ko vsem pravoslavnyim khristianam (1848 g.) // Dogmaticheskie poslaniya pravoslavnykh ierarkhov XVII-XIX vekov o pravoslavnoi vere. — Troitse-Sergieva Lavra, 1995.

7. Pastukh L.I. Antikhrisť: materializatsiya mistiki v izmerenie vremeni. Zametki po povodu... / L.I. Pastukh. — Zhitomir, 1996.

8. Florovskii G.V. Bogoslovskie otryvki / G.V. Florovskii // Vestnik Zapadnoevropeiskogo Patriarshego Ekzarkhata. — 1982.- № 105–108.

9. Khomyakov A.S. Raboty po bogosloviyu // Sochineniya. — М., 1994. — Т. 2.

10. Khoruzhii S.S. Fenomen russkogo starchestva / S.S. Khoruzhii // Tserkov' i vremya. — 2002. — № 4 (21).

Информация об авторе

Ротач Наталья Сергеевна — аспирант, кафедра истории и политологии, Братский государственный университет, г. Братск, e-mail: natalja-rotach@rambler.ru.

Author

Rotach Natalya Sergeevna — post-graduate student, Chair of History and Politology, Bratsk State University, Bratsk, e-mail: natalja-rotach@rambler.ru.